• БОГОСЛОВИЕ THEOLOGY

УДК 253+248
https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-54-11-33
EDN EDGUXA
Научная статья / Original article

Н. Ю. Сухова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация

Митрополит Трифон (Туркестанов): старчество как церковная практика и как предмет изучения

К 165-летию со дня рождения митрополита Трифона (Туркестанова; 1861–1934)

Аннотация. Статья посвящена одному из важнейших явлений в Православной Церкви — старчеству. В Русской Церкви оно имело особое преломление, причем и как церковная практика, и как предмет изучения и осмысления. В статье предлагается рассмотрение этой темы через призму жизненного пути и наследия митрополита Трифона (Бориса Петровича Туркестанова; 1861–1934) — одного из известных архиереев начала XX в. С одной стороны, митрополит Трифон имел личный опыт подвизания в монастырях и близкие связи с известными старцами: преподобными Амвросием Оптинским, Варнавой Гефсиманским и другими. С другой стороны, митрополита Трифона можно отнести, хотя и с оговорками, к категории «ученого» монашества: он кончил Московскую духовную академию, преподавал и ректорствовал в духовных школах. В своем личном опыте, исследованиях, проповедях митрополит Трифон старался связать эти две составляющих — старчество и ученость, иногда находя в этом гармонию, иногда — коллизию. Именно на этой проблеме будет сосредоточено внимание в предлагаемой статье.

Особое внимание в статье обращено на кандидатскую диссертацию иеромонаха Трифона (Туркестанова), представленную при окончании Московской духовной академии, — «Древнехристианские и оптинские старцы», в которой автор выявляет общие основания старчества в восточной традиции и пытается вписать

© Н. Ю. Сухова, 2026 CC BY-NC

в эту традицию оптинское старчество. Автор диссертации приходит к выводу: без старческого окормления невозможно достигнуть главнейших христианских добродетелей, что подтверждает его личный опыт окормления у старцев.
В дальнейшем преосвященный Трифон сделал для себя еще несколько выводов относительно старчества. Старец должен быть духовно образован: хотя через старца христианину открывается воля Божия, принимая это откровение, он не может опираться исключительно на свой духовный опыт, но поверять его духовным опытом Церкви через опору на Священное Писание, святоотеческое наследие, примеры жизни древних подвижников, богослужение и его духовное понимание. Монастырская жизнь и старческое окормление не тождественны. Осознавая тяготы жизни монаха вне монастыря и всем сердцем стремясь в святую обитель, по благословению старцев преосвященный Трифон в некоторые периоды своей жизни пребывал в миру. Но в иерархии ценностей — монастыря и послушания — он без сомнения выбирал послушание: можно жить в монастыре, но без старческого окормления никак не возрастать в духовной жизни; можно жить в миру, но послушание воле старца поможет преодолеть все тяготы, сомнения, искушения, уныние и прочие опасности жизни. Таким образом, преосвященный Трифон решает и проблему академического — внемонастырского — монашества, переживаемую и бурно обсуждаемую в его эпоху: решение — в послушании воле старца.

Ключевые слова: митрополит Трифон (Туркестанов), преподобный Амвросий Оптинский, преподобный Варнава Гефсиманский, Оптина пустынь, ученое монашество, старчество, российские православные духовные школы

Для цитирования: *Сухова Н. Ю.* Митрополит Трифон (Туркестанов): старчество как церковная практика и как предмет изучения // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2026. № 54. С. 11–33. https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-54-11-33; EDN EDGUXA

Поступила в редакцию 20.01.2026
Принята к публикации 29.04.2026

Nataliya Yu. Sukhova

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
Moscow, Russian Federation

Metropolitan Tryphon (Turkestanov): Spiritual Eldership as a Church Practice and a Subject of Study

On the 165th Anniversary of Birth of Metropolitan Tryphon (Turkestanov; 1861–1934)

Abstract. The article is devoted to one of the most important phenomena in the Orthodox Church — spiritual eldership. In the Russian Church, this phenomenon has had

a special significance, both as a church practice and as a subject of study and reflection. The author examines this topic through the prism of the life and legacy of Metropolitan Tryphon (Boris Petrovich Turkestanov; 1861–1934), one of the renowned bishops of the early 20th century. On the one hand, Metropolitan Tryphon had personal ascetic experience in monasteries and close ties with famous spiritual elders: St. Ambrose of Optina, St. Barnabas of Gethsemane and others. On the other hand, Metropolitan Tryphon can be classified, albeit with reservations, as a "scholarly" monastic: graduated from the Moscow Theological Academy, he taught and served as rector of theological schools. In his personal experience, research, and sermons, Metropolitan Tryphon sought to connect these two components — spiritual eldership and scholarship — sometimes finding harmony, sometimes a conflict. This is precisely what will be the focus of this article.
Special attention is paid to Hieromonk Tryphon's PhD dissertation "Ancient Christian and Optina Spiritual Elders", presented at the Moscow Theological Academy. In it, the author identifies the common foundations of spiritual eldership in the Eastern tradition and attempts to integrate Optina eldership into this tradition. Hieromonk Tryphon concludes that it is impossible to attain the most important Christian virtues without the spiritual elders' guidance, which is confirmed by his personal experience of spiritual mentorship from the elders. Later, Bishop Tryphon drew several further conclusions regarding eldership. An elder should be spiritually educated: although God's will may be revealed to a Christian through a spiritual elder, the latter cannot rely solely on his own spiritual experience for this revelation and must verify it with the spiritual experience of the Church through reliance on Holy Scripture, the patristic heritage, as well as the examples of the ancient ascetics, liturgy, and his spiritual understanding. Monastic life and a spiritual elder's mentorship are not synonymous. Recognizing the hardships of a monastic life outside the monastery and yearning wholeheartedly for a holy monastery, Bishop Tryphon spent some periods of his life in the world being blessed by spiritual elders to do so. Still, in the hierarchy of values — monastery and obedience — he unquestionably chose obedience: one can live in a monastery, but having no guidance of a spiritual elder one cannot grow in spiritual life; one can live in the world, and obedience to the will of a spiritual elder will help to overcome all hardships, doubts, temptations, despondency, and other dangers. Thus, Bishop Tryphon also addresses the problem of academic — non-monastic — monasticism, a topic of intense debate in his era, through the obedience to a spiritual elder's will.

Keywords: Metropolitan Tryphon (Turkestanov), Venerable Ambrose of Optina, Venerable Barnabas of Gethsemane, Optina Monastery, academic monasticism, eldership, Russian Orthodox theological schools

For citation: Sukhova N. Yu. Metropolitan Tryphon (Turkestanov): Spiritual Eldership as a Church Practice and a Subject of Study. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary,* 2026, no. 54, pp. 11–33. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-54-11-33

Submitted on 20 January, 2026
Accepted on 29 April, 2026

Введение: старчество в Православной Церкви

Статья посвящена одному из важнейших явлений в Православной Церкви — старчеству. Несмотря на то, что о старчестве, старцах, старческом окормлении много писали и пишут богословы, философы, литераторы, публицисты, тема остается не только неисчерпанной, но с каждым серьезным ее упоминанием открываются все большая глубина, сложность и специфичность феномена.

Феномен старчества соединяет в себе вопросы происхождения и преемственности духовной традиции, даров прозорливости, «различения духов», соотнесения послушания и свободы, старчества и общежительного монашества, институциональной и харизматической власти, старчества и приходского пастырства, старческого окормления и исповеди. Чем различается старчество как монашеская практика и практика по отношению к мирянам? Каково место и значение старчества в системе православной аскетики?

В некоторых монастырях старчество создавало особый благодатный духовный настрой, содействующий братии на пути спасения и дающий в этом конкретную поддержку. Однако бытование старчества в Церкви вызывало далеко не однозначную реакцию современников как в древние времена, так и в средневековой Византии. История Церкви знает неоднократные случаи противоречий, даже конфликтов старцев и их пасомых с церковными властями и с монастырским начальством. Достаточно вспомнить монашеский путь преподобного Симеона Нового Богослова (XI в.), противопоставившего полное послушание старцу строгому общежительному уставу Студийского монастыря.

В Русской Церкви феномен старчества имел особое преломление, причем и в смысле церковной практики, и в смысле предмета изучения и осмысления. Ярчайшим временем и того, и другого стал синодальный период истории Русской Православной Церкви. С одной стороны, эта эпоха дала удивительные примеры старческого окормления, причем как внутримонастырского, так и более широкого, народного. Об этом свидетельствуют примеры конца XVIII в. — преподобных Паисия Величковского, Феодора Санаксарского, Феодора Новоезерного и особенно XIX — начала XX в.: преподобные Оптиной, Глинской, Зосимовой пустыней, Гефсиманского скита и др.

Но и в синодальный период в России старческое служение нередко встречало недоверие и даже противление со стороны представителей институциональной власти: достаточно вспомнить жизненные перипетии преподобного Феодора Санаксарского, оптинских старцев, преподобного Гавриила Седмиезерного и др. В процессе активного развития богословской науки старчество и стало предметом изучения, и вызывало дискуссии — как публицистические, так и сугубо научные[1].

[1] *Смирнов С. И.* Духовный отец в древней Восточной Церкви. История духовничества на Востоке. Сергиев Посад, 1906. Ч. 1; *Его же.* Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины. (Тексты и заметки). Сергиев Посад, 1912; и др.

Эта тема привлекала интерес и авторов русской диаспоры: общеизвестны посвященные старчеству труды И. К. Смолича[2], протоиерея Сергия Четверикова[3], И. М. Концевича[4].

При возрождении в России в 1990-х гг. церковной жизни и возбуждении духовных исканий стали очень заметны, а иногда и болезненны не только стремление к старческому руководству, но и проблемы лжестарчества, младостарчества. Обострился вопрос о границах стихийного духовного руководства, причем границах как церковно-дисциплинарных, так и богословско-аскетических. Тема привлекла и привлекает в наши дни и исследовательское внимание[5]. Поэтому актуальность вопроса о старчестве как церковной практике и как предмете изучения не вызывает сомнения.

В статье эта тема рассматривается через призму жизненного пути и наследия митрополита Трифона (Бориса Петровича Туркестанова; 1861–1934) — одного из хорошо известных архиереев начала XX в., очень любимых в Москве. Достаточно вспомнить знаменитое незавершенное полотно П. Д. Корина «Реквием» («Русь уходящая»), где на первом плане — даже впереди патриархов — хрупкая согбенная фигура епископа Трифона в пасхальном облачении.

Но почему рассмотрение нашей темы интересно через призму жизни и опыта этого архиерея? С одной стороны, преосвященный Трифон имел личный опыт подвизания в монастырях и близкие связи с известными старцами: преподобными Амвросием Оптинским, Варнавой Гефсиманским, Аристоклием Московским и другими. С другой стороны, митрополита Трифона можно отнести, хотя и с некоторыми оговорками, к категории «ученого» или академического монашества: он кончил МДА, преподавал и ректорствовал в духовных школах. В личном опыте, исследованиях, проповедях митрополит Трифон старался связать обе составляющих — старчество и ученость, иногда находя в этом гармонию, иногда — коллизию. Именно на этой проблеме будет сосредоточено внимание в нашей статье.

---

[2] *Смолич И. К.* Жизнь и учение старцев. (Путь к совершенной жизни). Опубликовано в 1936 г. в Германии, в переводе на русский язык: *Смолич И. К.* Жизнь и учение старцев: (Путь к совершенной жизни) // Русское монашество, 988–1917. Приложение к «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова). М., 1999. С. 382–383.

[3] *Четвериков С., прот.* Из истории русского старчества // Его же. Бог в русской душе. М., 1998. С. 88–169; *Его же.* Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество // Его же. Правда христианства. М., 1998. С. 3–298.

[4] *Концевич И. М.* Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. М., 1993; *Его же.* Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995.

[5] *Сидоров А. И.* Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. [М.], 1998; *Хоружий С. С.* Феномен русского старчества в его духовных и антропологических основаниях // Церковь и время. 2002. № 4 (21). С. 208–226; *Беглов А. Л.* Старчество в трудах русских церковных ученых и писателей // Путь к совершенной жизни: о русском старчестве. М., 2005. С. 5–29; и др.

Жизненный путь митрополита Трифона (Туркестанова)

Биография митрополита Трифона достаточно хорошо известна. Однако она очень необычна и интересна для темы статьи, поэтому следует кратко проследить основные вехи.

По отцу — Петру Николаевичу Туркестанову — митрополит Трифон принадлежал к древнему грузинскому княжескому роду, по матери — Варваре Александровне — к известному роду Нарышкиных. Его двоюродной бабкой по материнской линии была известная основательница и игумения Спасо-Бородинского монастыря Мария (Тучкова). С детства Борис Туркестанов имел тягу не только к храму и богослужению[6], но и к монастырю, посещал Оптину пустынь и Гефсиманский скит сперва с матерью, затем самостоятельно.

Окончив знаменитую в Москве классическую гимназию Л. Поливанова и поступив на историко-филологический факультет Московского университета, Борис Туркестанов окончательно разочаровался в мирской жизни и в 1884 г. поступил в Введенскую Оптину пустынь. Четыре года он пребывал в духовном блаженстве под окормлением преподобного Амвросия Оптинского.

Однако в 1889 г. по благословению духовного наставника «за послушание» он занял место учителя и надзирателя в новообразованном миссионерском Осетинском (Ардонском) ДУ во Владикавказе. Именно во время этого служения он был пострижен в монашество ректором Тифлисской ДС архимандритом Николаем (Зиоровым), а вскоре рукоположен во иеродиакона и иеромонаха экзархом Грузии архиепископом Палладием (Раевым). Разумеется, иночество он принял по благословению преподобного Амвросия. Казалось бы, молодому иеромонаху уготована стезя ученого инока, но на этот раз он от отягощающей его стези отказался, вернувшись в любезную его сердцу Оптину.

Однако уже в 1891 г. преподобный Амвросий благословил о. Трифона поступить в МДА, молодой иеромонах «из послушания… вступил… в обитель высшего духовного просвещения»[7] и окончил ее через четыре года со степенью кандидата богословия, представив выпускную диссертацию «Древнехристианские и оптинские старцы», о которой речь пойдет дальше. Теперь служение академического монашества стало уже приговором. После окончания академии о. Трифон два года был смотрителем в Московском ДУ при Донском монастыре (1895–1897), два года ректорствовал в Вифанской ДС (1897–1899), затем два года в Московской ДС (1899–1901), а в 1901 г. был хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии.

Но (в целом привычный) путь академического монашества и последующего епископства владыки Трифона отличают некоторые особые черты: привя-

[6] Слово епископа Трифона при наречении во епископа Дмитровского (1901) // *Трифон (Туркестанов), митр.* Любовь не умирает: из духовного наследия. М., 2007. С. 80–81.

[7] Там же. С. 81.

занность к монастырской жизни (о чем будет еще сказано) и к благотворительности. О последнем свидетельствуют не только членство или председательство преосвященного Трифона в многочисленных благотворительных попечительствах и приютах — это неудивительно для викарного епископа, но и особо тесная связь с Марфо-Мариинской обителью и лично с великой княгиней Елизаветой Федоровной.

Во время Первой мировой войны епископ Трифон совершил еще один поступок, вызвавший немалое удивление современников: он отправился на фронт — сперва на польский (август 1914–1915), затем на румынский (1916) — простым полковым иеромонахом. На фронте он потерял глаз, был награжден орденом св. князя Александра Невского, а в июне 1916 г. отпросился на покой.

Несмотря на надежду, владыка не попал в вожделенную Оптину пустынь, а был назначен управляющим Ново-Иерусалимским Воскресенским монастырем. Весной 1918 г. от управления Ново-Иерусалимским монастырем епископ Трифон был освобожден, согласно прошению, а местом его пребывания был назначен Донской монастырь. Но пребывал владыка Трифон там недолго, в дальнейшем жил у родственников и у духовных чад. Несмотря на заштатность, ему был дарован сан архиепископа, а в 1931 г., к 30-летию архиерейского служения — сан митрополита. Все повышения в сане, как и все награды, владыка принимал со смирением «за послушание». Он много служил в монастырях и храмах, которые еще не были закрыты, проповедовал, занимался духовным окормлением многих людей разного статуса, был очень любим москвичами и почитаем как старец.

Перед кончиной митрополит Трифон желал принять великую схиму. Исполнить намерение не успел, но в гроб положили схимническое облачение. Похоронен был владыка на Введенском (Немецком) кладбище. Для всей жизни и кончины митрополита Трифона очень показателен составленный им в 1929 г. акафист «Слава Богу за все»[8].

Митрополит Трифон: монашеские связи и старчество

Как уже было сказано, с детства будущий владыка был тесно связан с преподобным Амвросием Оптинским (Гренковым; 1812–1891) и относился к нему, как к своему старцу, находясь в полном послушании Но в октябре 1891 г., вскоре после благословения иеромонаха Трифона на поступление в МДА, преподобный Амвросий скончался[9], и отец, а в дальнейшем владыка Трифон с особым усердием искал духоносных старцев для обсуждения духовных вопросов и получения советов. Уже в епископском сане он очень часто приезжал в Оптину, служил, в том числе панихиды по усопшим старцам и важным для Оптиной лицам,

[8] Слово епископа Трифона при наречении во епископа Дмитровского (1901). С. 557–565.

[9] Слово иеромонаха Трифона при погребении оптинского старца иеросхимонаха Амвросия (1891) // Там же. С. 64–67.

проповедовал, постригал и рукополагал братию, трапезовал за общим столом, много времени уделял келейным духовным беседам[10]. Оптинцы же, приезжая в Москву или будучи там проездом, всегда останавливались в Богоявленском монастыре у преосвященного Трифона. С некоторыми насельниками Оптиной у владыки сложилась особенная тесная духовная дружба — прежде всего со схиархимандритами Исаакием (Антимоновым; † 1894) и Варсонофием (Плиханковым; † 1913 — его владыка Трифон отпевал в 1913 г. в Старо-Голутвином монастыре), а в последние годы жизни — с иеросхимонахом Нектарием (Тихоновым; † 1928), жившим после закрытия Оптиной пустыни в Брянской области[11].

Тесно связан был будущий владыка с преподобным Варнавой Гефсиманским (Меркуловым; 1831–1906). Еще будучи гимназистом, в конце 1870-х гг. Борис Туркестанский говел Петровским постом в Гефсиманском скиту, был поражен «даром веры», всеобъемлющей любовью и великой духовной мудростью старца[12]. В дальнейшем, особенно после кончины преподобного Амвросия, отец, а затем владыка Трифон считал преподобного Варнаву своим главным наставником. Их сближению способствовали годы, проведенные о. Трифоном в МДА, а затем — два года ректорства в Вифанской ДС: доступность Гефсиманского скита позволяла часто общаться лично и просить советов старца. Со старцем Варнавой преосвященный Трифон, начиная с 1898 г., неоднократно совершал поездки в Иверский Выксунский женский монастырь, основанный старцем[13].

Но митрополит Трифон тесно сходился и с другими духовными людьми, почитаемыми как старцы: епископом Антонием (Флоренсовым; † 1918 или 1920 г.), жившим с 1898 г. на покое в Московском Донском монастыре; схиархимандритом и последним духовником Троице-Сергиевой лавры Захарией († 1936), после закрытия лавры жившим в Москве у духовных чад, святым праведным Иоанном Кронштадтским, при посещении Москвы всегда служившим у владыки Трифона в Богоявленском монастыре[14].

---

[10] Вертоград старчества: оптинский патерик на фоне истории обители / *сост. мон. Лазарь (Афанасьев).* М., 2016. С. 366–367, 421–426 и др.

[11] Слово иеромонаха Трифона в 9-й день по кончине настоятеля Оптиной пустыни схиархимандрита Исаакия (1894) // *Трифон (Туркестанов), митр.* Любовь не умирает… С. 71–76; Слово епископа Трифона при отпевании старца Оптиной пустыни схиархимандрита Варсонофия (1913) // Там же. С. 306–309; Из письма духовной дочери о. Варсонофия, послушницы Елены Шамониной // Там же. С. 309–311; Вертоград старчества: оптинский патерик… С. 578, 592–593, 596–599.

[12] Слово епископа Трифона памяти иеромонаха Варнавы (1906) // Там же. С. 126–129.

[13] Там же. С. 130; Об иноческих скорбях: Из слова архимандрита в Иверском Выксунском монастыре (1898) // Там же. С. 77; Об иноческом пути: прощальное слово архимандрита Трифона к сестрам Иверского Выксунского монастыря (1898) // Там же. С. 77–79.

[14] О мире Христовом и по поводу кончины протоиерея Иоанна Кронштадтского: слово епископа Трифона (1908) // Там же. С. 211–214; Слово епископа Трифона в 9-й день кончины протоиерея Иоанна Кронштадтского (1908) // Там же. С. 214–218.

В монастырях, где настоятельствовал владыка (Богоявленский, Ново-Иерусалимский), он тщательно следил не только за благоденствием и благолепием обители, но — прежде всего! — за тем, чтобы братия была единой духовной семьей, помогая друг другу спасаться. Регулярная проповедь, частые исповедь и причащение, напряженная литургическая жизнь, — все, к чему стремился сам преосвященный Трифон и чего всегда жаждал, страдая от жизни вне монастыря: «Твердый чин церковный, …истовое осмысленное чтение, воодушевленное пение древних церковных напевов, убежденная проповедь Слова Божия, основанная на святых отцах, учителях Церкви», соединение братии «одним духом любви ко Господу Богу, … твердою верою в истинность и непоколебимость Святой Церкви» — вот те твердые начала иноческой жизни, «на которых основано было первоначальное монашество»[15].

Особо следует отметить связи преосвященного Трифона с Афоном и афонитами. У владыки Трифона сложились тесные связи с братией часовни великомученика Пантелеимона, расположенной рядом с Богоявленским монастырем. Не имея собственного храма, афониты ходили в Богоявленский монастырь на службы. Будущий владыка Трифон еще в детстве, глубоко почитая великомученика Пантелеимона, нередко приходил в эту часовню[16]. Став викарным епископом и получив в управление Богоявленский монастырь, владыка помогал братии афонский часовни, любил общие богослужения и молитвы, благоговейно относясь ко всему, что связано со Святой Горой.

Близкие доверительные духовные отношения соединили владыку Трифона с иеросхимонахом Аристоклием (Амвросиевым; † 1918), строителем и заведующим Московского Афонского подворья на Большой Полянке[17]. Владыка Трифон ценил в о. Аристоклии афонскую монашескую традицию, опытность духовника, духовную чуткость, прозорливость. Ныне это местночтимый святой Московской епархии, старец Московский.

В 1912 г. владыке Трифону удалось лично посетить Афон, осмотреть знаменитые обители, помолиться перед афонскими святынями, почувствовать колорит «монашеской республики». Однако в это время уже назревала и даже начиналась смута, связанная с движением «имяславия». В записках небезызвестного

[15] Слово епископа Трифона при возведении в сан игумена наместника Богоявленского монастыря (1903) // *Трифон (Туркестанов), митр.* Любовь не умирает… С. 106.

[16] Ответ епископа Трифона на приветствие братии Афонской Пантелеимоновой часовни в Москве по случаю недавнего возведения преосвященного Трифона в епископский сан (1901) // Там же. С. 84.

[17] Русский афонский отечник XIX–XX веков. Святая Гора Афон, 2012. (Сер.: Русский Афон XIX–XX веков). С. 273–276; Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2013. (Сер.: Русский Афон XIX–XX веков; т. 2). С. 41; История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1912 до 2015 года. Святая Гора Афон, 2015. (Сер.: Русский Афон XIX–XX веков; т. 6). С. 786–787.

иеросхимонаха Антония (Булатовича) есть упоминания об этом посещении, причем автор уверенно пишет, что владыка Трифон несомненно был «почитателем книги о. Илариона» [«На горах Кавказа» (1907). — *Н. С.*], поддерживал «имяславцев» и старался своим авторитетом воздействовать на некоторых «имяборцев», призывая их к примирению и умиротворению[18]. Когда «афонское дело» было перенесено в Россию, преосвященный Трифон весной 1914 г. участвовал в заседаниях суда над «имяславцами» Московской Синодальной конторы, возглавляемого митрополитом Московским и Коломенским Макарием (Невским). Суд руководствовался принципом Пастыря доброго по отношению к заблудшим овцам: всех афонских иноков, явившихся на суд и признавших свое полное согласие с учением Православной Церкви, принимали в церковное общение; отказавшихся явиться на суд старались увещевать на месте их пребывания[19].

Для владыки Трифона была несомненна важность монастыря в жизни монаха. Характерны слова будущего владыки Трифона, сказанные сестрам Иверской Высксунской обители в 1898 г.: «Как рыба, выброшенная из воды, умирает, так может умереть духовною смертью и инок вне спасительной ограды монастырской, — говорят святые отцы. К таким инокам принадлежу и я грешный, послушанием своим обязанный жить среди мира и лишь изредка имеющий отраду отдохнуть духом в святых обителях»[20]. Этот же вопрос затрагивается в речи при наречении во епископа: «Иноку тяжело жить среди мирян… По окончании курса наук, когда я уже надеялся снова возвратиться в дорогую мне обитель иноческую, я, против желания, становлюсь последовательно во главе нескольких духовных вертоградов; и в этом назначении, которому я подчинился с трудом, единственно лишь из послушания, вижу я теперь особый Промысл Божий…»[21].

То есть главным в жизни владыки Трифона было послушание своим благопросвещенным старцам, в чем он неоднократно признавался и чем жил. Так, при наречении во епископа Дмитровского 28 июня 1901 г. новонареченный высказал свое глубокое убеждение: основание истинной жизни христианина — «отречение своей воли и смиренное послушание воле духовных руководителей, через которых Сам Господь вещает волю Свою»[22].

---

[18] *Антоний (Булатович), иеросхим.* Моя борьба с имяборцами на Святой Горе. Петроград, 1917. С. 27–28.

[19] Забытые страницы русского имяславия: сборник документов и публикаций по афонским событиям 1910–1913 гг. и движению имяславия в 1910–1918 гг. М., 2001. С. 212–216, 219–226.

[20] Об иноческом пути: прощальное слово архимандрита Трифона к сестрам Иверского Выксунского монастыря (1898) // *Трифон (Туркестанов), митр.* Любовь не умирает… С. 79.

[21] Слово епископа Трифона при наречении во епископа Дмитровского (1901) // Там же. С. 81.

[22] Там же.

Академическое образование и последующая духовно-просветительская деятельность преосвященного Трифона

Для темы статьи важны, конечно, годы обучения будущего владыки Трифона в МДА. Следует обратить внимание на некоторые характерные черты церковно-исторического и духовно-учебного контекста конца 1880-х — начала 1890-х гг.:

– главная задача времени в духовной сфере: воцерковление расцерковившегося российского общества;
– возрождение ученого монашества с особыми надеждами на его участие в духовном просвещении, миссионерстве, «переквашивании» духовной школы и всего общества;
– в богословской науке доминирующими направлениями во всех областях становятся антропологизм и психологизм;
– даже в высшей духовной школе повышается внимание к вопросам миссии, пастырства.

В эти тенденции очень гармонично вписывался ректор МДА архимандрит Антоний (Храповицкий; 1891–1895), о чем скажем чуть позже.

Обратим внимание на выпускные темы однокурсников о. Трифона, отражающие указанные черты времени. Бросается в глаза обилие тем по нравственным, антропологическим, психологическим, миссионерским, пастырским вопросам, включая аскетику, духовничество и старчество. В этом несомненно влияние ректора МДА архимандрита Антония: он представил весной 1895 г. 20 (!) отзывов на кандидатские диссертации[23]. Интересно, что две работы — иеромонаха Трифона и его однокурсника Александра Соловьева — были написаны на сходные темы: «Древнехристианские и оптинские старцы» и «Старчество по учению святых отцов-аскетов»[24]. Их же однокурсник С. И. Смирнов, хотя писал выпускную диссертацию по другой теме, через 11 лет представил магистерскую диссертацию, посвященную духовничеству на Востоке, а еще через 6 лет — материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины[25].

Следует несколько слов сказать об отношениях иеромонаха Трифона и ректора МДА архимандрита Антония (Храповицкого) — певца и идеолога ученого (академического) монашества. Курс иеромонаха Трифона был самым «антониевским», ибо все четыре годы обучения прошли при этом ректоре. Оба инока — архимандрит Антоний и иеромонах Трифон — были из дворян, оба приняли монашество по горячему желанию, были практически ровесниками (архимандрит Антоний был на два года младше своего ученика). Казалось бы, их должно было

[23] Журналы Совета Московской духовной академии за 1895 год. Сергиев Посад, 1897. С. 127–156.

[24] Опубл.: *Соловьев А., прот.* Старчество по учению святых отцов и аскетов. Семипалатинск, 1900.

[25] *Смирнов С. И.* Духовный отец в древней Восточной Церкви…; *Его же.* Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины…

соединить полное единомыслие. В целом так и было; о. Трифон еще при поступлении в академию писал К. Н. Леонтьеву, хорошо знакомому ему по Оптиной: «О. Ректор относится ко мне очень сердечно, истинно по-братски. По убеждениям он проповедник любви и большой поклонник Достоевского»[26].

В дальнейшем ректор тоже благоволил к студенту и иноческому собрату: как уже было сказано, о. Трифон писал выпускную кандидатскую работу о. ректору, но об этом отзыве чуть позже. Однако есть некоторые нюансы. Так, еще в начале первого курса о. Трифон пишет тому же Леонтьеву: «…убеждаю о. Ректора побывать в Оптиной, хотя на короткое время, и, может быть, мне и удастся склонить его к этому»[27]. Не удалось… Впрочем, это не вина о. Трифона — архимандрит Антоний вообще в это время не видел необходимости лично посещать монастыри, общаться со старцами: академическое монашество казалось ему идеальной триадой: «монах — пастырь — преподаватель». Далее ситуация отчасти скорректируется, но это — особая интересная тема, требующая специальной статьи. Оба инока искали монашеского общения, но если архимандриту Антонию идеалом казалось «дружеское братство» ученых иноков, то о. Трифон всей душой стремился к общению с духовными людьми, обладающими аскетическим опытом, особыми дарами, способными дать совет не просто дружеский, а такой, которого можно безоговорочно послушаться, отсекая свою волю.

Серьезной попыткой будущего митрополита — тогда иеромонаха Трифона — осмыслить феномен старчества как в церковно-историческом, так и в богословском отношении, стала неоднократно поминаемая выпускная диссертация «Древнехристианские и оптинские старцы». Тема была предложена самим выпускником — старчество было главным нервом, опорой его жизни, и получаемая на протяжении 4-х лет богословская ученость должна была послужить обоснованию этой опоры. В рукописном варианте диссертация сохранилась в архивном фонде МДА в ОР РГБ[28], а издана только в наши дни — дважды: в 1997 и в 2005 гг.[29] Как работа, подаваемая на соискание ученой степени, диссертация имеет определенные черты научного текста: предисловие с постановкой проблемы, обзором источников, структура, ссылки. В комплекс источников о. Трифон включил деятельные и созерцательные творения древних отцов; сказания о их жизни и подвигах; сочинения некоторых отечественных богословов; поучения и письма старцев — прежде всего оптинских: их жизнеописания и историче-

[26] Письмо иеромонаха Трифона к К. Н. Леонтьеву (1891) // *Трифон (Туркестанов), митр.* Любовь не умирает… С. 525.

[27] Там же.

[28] ОР РГБ. Ф. 172 (Архив Московской духовной академии). Картон 415. Ед. хр. 2.

[29] *Трифон (Туркестанов), митр.* Древнехристианские и оптинские старцы. М.: Мартис, 1997; *Его же.* Путь к совершенной жизни: О русском старчестве. М.: ПСТГУ, 2005. С. 31–149 (опущено предисловие).

ские описания обителей, известных старчеством[30]. Но работа имеет несколько специфических черт. Во-первых, во 2-й части диссертации о. Трифон использовал личные воспоминания об Оптиной пустыни и о ее старцах, послушником которых он был, и результаты «полевых исследований» — разговоров с братией о старцах, которые он проводил на последних вакациях, между 3-м и 4-м курсами. Во-вторых, в работе задействован минимум литературы. Автор ссылается в предисловии на слабую разработанность темы[31], однако причину можно усмотреть еще и в том, что о. Трифон не усматривает в ученых сочинениях глубины, которая есть в богомудрых святоотеческих текстах и в практическом духовном опыте старчества. Наконец, в-третьих, горячая личная заинтересованность автора в теме не могла уложиться в исключительно научный стиль, поэтому нередко текст становится более сердечным, особенно когда о. Трифон пишет о дорогих и любимых старцах. Заметим, что греческие источники о. Трифон использовал не в оригиналах, а в русских переводах Оптиной пустыни и духовных академий. Но диссертация относится не к патрологической, а к церковно-практической области, поэтому такой подход можно считать извинительным.

О. Трифон ставил перед собой две задачи, определившие структуру диссертации: выявить общие основания старчества (ч. I) и вписать оптинское старчество в историю старчества в России и восточного старчества в целом (ч. II)[32]. Первая часть диссертации представляет собой рассуждения автора, подкрепленные обильными ссылками на древних отцов (до XI в. включительно) и на трех русских авторов — святителей Филарета (Дроздова) и Игнатия (Брянчанинова) и архиепископа Никанора (Бровковича).

Кратко постараемся выявить логику этой части. С точки зрения иеромонаха Трифона, старчество богоустановлено, причем для первозданного человека до грехопадения наставником и «старцем» был Сам Бог[33]. По отпадении от Бога и затруднении богообщения неизбежно появилась «нужда в посреднике», и Бог, избирая «тех немногих праведников, которые… по мере сил сохраняли еще веру и жизнь в ее духе», делал их «посредниками при возвещении воли Своей греховному человечеству»[34]. К этим посредникам о. Трифон относит «богомудрых патриархов, пророков и апостолов, церковных благовестников в слове и учении, не противном слову Божию, полезном человечеству»[35]. И, хотя в Новом Завете средостение между Богом и людьми «разорено Великим

[30] *Трифон (Туркестанов), митр.* Древнехристианские и оптинские старцы. М., 1997. С. 20–29.

[31] Там же. С. 20–21.

[32] Там же. С. 30–132 и 133–240 соотв.

[33] Там же. С. 30.

[34] Там же. С. 34–38.

[35] Там же. С. 39–40.

Ходатаем и Посредником… и непосредственное научение Богом стало вновь для всех возможным», «в короткое время невозможно победить страсти»[36]. Отсюда следует очень важный для о. Трифона вывод: «Без старческого окормления невозможно достигнуть главнейших христианских добродетелей»[37].

Еще один тезис, очень важный для о. Трифона, — фокусировка внимания на монашестве: «…если старчество столь полезно для каждого христианина, то для монаха… оно безусловно необходимо»; «идущий самочинно путем иночества легко погибает»[38].

В тексте есть и отзвук, хотя без непосредственного указания, на современные о. Трифону дискуссии: кто может быть старцем? На это вопрошание он тоже находит ответ у святых отцов. Есть два рода старчества: 1) непосредственный избранник Божий без административного значения в Церкви; 2) пастырь и наставник, занимающий обычно место настоятеля обители или другую начальственную должность. Во втором случае пастырь и наставник «избирается же Самим Богом или непосредственно, каковы по большей части все святые основатели монастырей, или чрез общественное мнение, или, наконец, чрез указание предшественника, т. е. по преемству»[39].

Работа в целом, конечно, носит апологетический характер: для о. Трифона важно защитить старчество от нападок современного мира. Этому посвящен целый раздел 1-й части диссертации: «Разбор возражений против старчества»[40]. Автор выделяет главное возражение: есть Священное Писание и богомудрые творения святых отцов», можно руководствоваться во всем лишь ими, зачем конкретный старец? Иеромонах Трифон категорически с этим не согласен и приводит два аргумента:

1) дары благодати Святого Духа, объяснение Священного Писания иногда сообщаются святым мужам необычным образом без внешнего человеческого руководства; обычный же монах не должен пренебрегать человеческим наставлением;

2) святые отцы если и отсылают монаха к Писанию, то только имеющего «некоторое природное дарование рассуждения или научно образованного, каковых в монастырях немного»[41].

О. Трифон указывает еще одно частое возражение против старчества: а если даваемые советы противны собственному разуму вопрошающего, да

[36] *Трифон (Туркестанов), митр.* Древнехристианские и оптинские старцы. С. 40–44.

[37] Там же. С. 47.

[38] Там же. С. 80, 82.

[39] Там же. С. 87.

[40] Там же. С. 123–132.

[41] Там же. С. 124–125.

и дающий их «не весьма духовен»[42]? И на это автор диссертации находит ответы святых подвижников — например у аввы Дорофея: «…если кто хочет истинно, всем сердцем, исполнить волю Божию, то Бог никогда его не оставит, но всячески наставит по воле Своей»[43].

О. Трифон соглашается с тем, что избранники Божии — большая редкость, особенно в «наше время» (ср.: свт. Игнатий (Брянчанинов). «Аскетические опыты»[44]), хотя и не соглашается с «совершенным оскудением людей облагодатствованных в наше время», приводя конкретные примеры[45]. Но все же, исходя из ситуации, «в крайности» можно допустить пользование святоотеческими творениями вместо наставника. Но! 1) Этот способ вопрошания не может заменить живого слова; 2) обращаться следует лишь к одному из святых отцов, наиболее подходящему к устроению конкретного монаха; 3) ни у одного святого отца нельзя встретить ответа на какие-либо частности во всех подробностях; 4) для надлежащего уразумения мыслей святого отца требуются известное умственное развитие, необыкновенное усердие к исполнению воли Божией и сильная вера; 5) при самом избрании святого отца нужно некоторое самопознание, дабы не напасть на совершенно несоответствующего нашему устроению и мере[46].

Самый же надежный и для большинства иноков обязательный путь к наставнику: молиться о послании духовного наставника, а после следовать его воле со всякою благопокорностию и самым точным во всем послушанием. Следует иметь и вопрошать лишь одного наставника[47].

Заметим, что отношение о. Трифона к необходимости непосредственного старческого окормления для инока радикальнее, нежели у святителя Игнатия (Брянчанинова). Оба автора согласны, что в современности избранников Божиих — старцев — все меньше. Но святитель Игнатий считал, что «с оскудением наставников оскудел и великий подвиг послушания, скоро приводивший подвижников к святости», ибо «вера в человека приводит к исступленному фанатизму»[48]. И предлагал прежде всего «руководство Писаниями Святых Отцов». Да, оно «ведет ко спасению гораздо медленнее, слабее; на пути этом гораздо больше преткновений: книга, начертанная на бумаге, не может заме-

---

[42] *Трифон (Туркестанов), митр.* Древнехристианские и оптинские старцы. С. 126.

[43] Там же. С. 127.

[44] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты // Его же. Особенная судьба народа русского / сост., предисл., прим. А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 166–167.

[45] *Трифон (Туркестанов), митр.* Древнехристианские и оптинские старцы… С. 126–130.

[46] Там же. С. 128–129.

[47] Там же. С. 126 и др.

[48] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Письма к мирянам. № 53 // Его же. Особенная судьба народа русского. С. 628.

нить живой книги человека». Но «руководство Писаниями Отеческими сделалось уже единственным руководством ко спасению по конечному оскуднению наставников»[49]. Иеромонах Трифон же, как показано выше, и в этих условиях делает особый акцент на важности полного послушания старцу.

Эта часть диссертации о. Трифона — не оригинальное исследование; автор и не претендует на это — напротив, старается полностью базироваться на трудах святых отцов. Однако личность автора, особенности его взглядов на старчество, его личный опыт нельзя не заметить и в этой части.

2-я часть диссертации о. Трифона оригинальнее, самостоятельнее и «опытна» — там, где речь идет о старчестве оптинском. Очень кратко рассматривая ключевые вехи старчества на Руси, начиная с преподобного Феодосия Печерского и до XVII в., о. Трифон в основном опирается на «Историю Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова) и «Руководство к русской церковной истории» П. В. Знаменского[50]. Это несколько удивляет, ибо (при всем уважении к указанным авторам) этого явно недостаточно. Отметив упадок монашества в России в XVIII в. и традиционно выделив в этом упадке значение эпох Петра I, Анны Иоанновны и Екатерины II с ее секуляризацией[51], иеромонах Трифон переходит к самому для него важному и интересному: возрождению старчества в конце XVIII — начале XIX в. усилиями отдельных преподобных — Феодора Санаксарского, Паисия Величковского, затем Серафима Саровского, Назария Валаамского и др.[52] Разумеется, главное внимание о. Трифона привлечено к преподобному Паисию, имевшему большое значение для оптинской традиции.

Достаточно кратко, но с любовью пишет о. Трифон о начале формирования «оптинской традиции» при настоятельстве о. Моисея (Путилова), вызванного из рославльских лесов для устроения скита при пустыни, но вскоре ставшего ее настоятелем[53]. В основе формируемой традиции лежало полное отсечение своей воли и глубокое повиновение руководителям и старцам — в духе древнего монашества, столь любезного сердцу о. Трифона. Но он не скрывает, что этот процесс был не одномоментным, описывая противление «древним устоям иноческой жизни», которое пришлось преодолевать сперва о. Моисею, затем — о. Льву. Отец Трифон сравнивает «старину», которая давно укоренилась в русских монастырях — акцент на «телесном делании» (посте, бдении, молитве с поклонами, псалмопении и т. п.) с принесенной первыми старцами «новизной» (очищением сердца от страстных помыслов, исповеданием их духовному наставнику, «безмолвной келейной жизнью, ежедневным откровением помыслов старцу и по-

[49] *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Письма к мирянам. № 53. С. 628.

[50] *Трифон (Туркестанов), митр.* Древнехристианские и оптинские старцы… С. 135–146.

[51] Там же. С. 147–149.

[52] Там же. С. 150–162.

[53] Там же. С. 162–172.

веркой своих действий его наставлениями и советами). Если «борцам за старые устои» все это казалось «еретическим новшеством», то о. Трифон делает акцент на том, что именно это — древняя и истинная монашеская традиция, сформированная богомудрыми отцами[54]. Автор диссертации выделяет еще две претензии, выдвигаемые по отношению к первым старцам: 1) допущение большого числа посетителей, прибегающих к старцам и якобы нарушающих истинно монашеский дух и впускающих в обитель мир[55]; 2) «влияние католичества, даже иезуитства», побуждающее «старца ставить выше Самого Бога» и наушничать своему старцу на братию в форме откровения помыслов[56]. Но и на это о. Трифон с удовлетворением отвечает ссылками на святых подвижников и древние иноческие уставы.

Нестроения внутри обители, доносы высокопоставленным церковным и светским лицам, запрещения епархиальными архиереями принимать посторонних посетителей и пр. сотрясали жизнь монастыря и соседних женских обителей несколько лет[57]. Окончание этого процесса и полное водворение в Оптиной пустыни старчества о. Трифон расценивал как торжество древнего и истинного православного монашеского духа[58].

Еще большее внимание о. Трифон уделяет трем великим старцам — преподобным Льву, Макарию и Амвросию, — преемствующим друг другу и воспитанным друг другом[59]. К этому времени жизнеописания старцев Леонида и Макария были написаны, многие письма к пасомым опубликованы, и о. Трифон, лично не заставший этих старцев, опирается именно на эти тексты. Однако для него важны и в этой компиляции два момента: камертон древних отцов-подвижников, которому полностью отвечали эти старцы, и безусловная необходимость старчества для спасения.

Что же касается преподобного Амвросия, ему уделяется по понятным причинам особое внимание. Иеромонах Трифон добавляет в текст и свои личные воспоминания о старце, и воспоминания братии и чад о. Амвросия, тщательно собранных самим о. Трифоном в обители.

Главным результатом старчества в этот период, с точки зрения автора диссертации, стало формирование «оптинского духа»: полное доверие и послушание старцам превратило братию в одну семью, соединенную особым мягким отношением друг к другу, простотой и смирением, постоянным и тщательным чтением поучений святых отцов, сердечным и любовным отношением ко всякому как

[54] *Трифон (Туркестанов), митр.* Древнехристианские и оптинские старцы… С. 172–175.

[55] Там же. С. 176

[56] Там же. С. 178.

[57] Там же. С. 176–182.

[58] Там же. С. 182.

[59] Там же. С. 172–240.

к родному близкому человеку, открытостью к людям любых состояний и образований, причем как для принятия в обитель, так и для окормления паломников[60].

Конечно, о. Трифон отчасти идеализировал столь любимую им Оптину, куда рвался всей душой и в момент написания диссертации. Тем не менее, обилие приходящих в пустынь к ее старцам людей всех слоев общества — от простых до ученых, от крестьян до дворян — не могло не свидетельствовать о правдивости главных тезисов работы. На что еще обращает особое внимание о. Трифон: в этой святой обители сглаживалась до полного упразднения традиционная для русского монашества коллизия «ученых и толченых»[61].

Иеромонах Трифон постарался провести сравнение черт характера трех великих оптинских старцев — Льва, Макария и Амвросия, выделив как общие, так и особые черты каждого.

К общим чертам он относит:

– *целомудрие*: не знали различия между мужеским полом и женским, старцем и юношей;
– *самоотвержение*: не переставали день и ночь трудиться на пользу ближнего, несмотря на немощи;
– *молитвенность*: непрестанный внутренний молитвенный подвиг и благодатные проявления молитвы;
– *рассудительность*: познание воли Божией;
– *послушание*: покорность воле Божией во всех обстоятельствах;
– *смирение*: приписывание всех даров благодати Божией и вере учеников;
– *любвеобильность*: любовь ко всей братии и ко всем приходящим[62].

Все три старца во всей полноте, с точки зрения иеромонаха Трифона, обладали всеми этими чертами, однако у каждого была «корневая», из которой истекали все остальные. Так, «корневой» чертой характера преподобного Льва о. Трифон считал *непоколебимую веру в свое высокое призвание*, откуда проистекали и необычайная смелость, ревность, твердость и энергия в отстаивании старчества. Для преподобного Макария таким «корнем» было, с точки зрения автора диссертации, *смирение*, которым определялись кротость, нежность, снисходительность. Наконец, для преподобного Амвросия самой яркой чертой была *любовь христианская*, которую испытывал на себе и по которой тосковал сам иеромонах Трифон[63].

В связи с препобеждением в Оптиной синдрома «учености и толчености» нельзя кратко не затронуть еще одну тему, рефреном проходящую по тексту диссертации и крайне важную для о. Трифона, «за послушание» погруженного

[60] *Трифон (Туркестанов), митр.* Древнехристианские и оптинские старцы… С. 167–171.

[61] Там же. С. 169–170.

[62] Там же. С. 211–226.

[63] Там же. С. 226–240.

в духовно-академическую среду: соотнесение старчества и учености. Не могло не «подогревать» эту тему и отношение к реальному старчеству профессоров и студентов духовных школ — прежде всего академий, «вертоградов наук духовных». Разумеется, среди начальствующих, учащих и учащихся были «монахолюбивые» и «монастырсколюбивые», посещавшие старцев как отечественных монастырей (Гефсиманского скита, Оптиной и Смоленской Зосимовой пустыней, Валаама и др.), так и Афона. Но на системном уровне вопрос о соотнесении и связи старчества и академической учености не решался и даже серьезно не обсуждался до начала XX в.

Главный тезис иеромонаха Трифона по этому вопросу может вызвать удивление — «ученая деятельность находится в прямой связи со старчеством»[64]. Однако что он понимал в данном случае под «ученостью»? «Чтение и изучение отцов Церкви»[65] и все сопутствующее и содействующее этому: переводы иноками и лицами, близкими к монастырю, святоотеческих трудов — прежде всего аскетических и нравственно-учительных; издание уже имеющихся переводов святоотеческих творений (преподобного Паисия Величковского и др.); публикация произведений подвижников XVIII — начала XIX в. и книг нравственно-практического содержания[66]. Всем этим занималась Оптина пустынь, и именно это иеромонах, а в дальнейшем епископ Трифон считал истинной ученостью, идущей рука об руку со старчеством.

Кроме того, неоднократно и в диссертации, и в дальнейших проповедях и беседах преосвященный Трифон обращал внимание на то, что старец должен быть *учен*: сведущ в Священном Писании и трудах святых отцов-подвижников, поверяя и подтверждая свои ответы на вопрошания богатейшим церковным наследием.

В связи с диссертацией о. Трифона следует обратить внимание на отзыв, данный на нее ректором архимандритом Антонием[67]. Отзыв довольно краткий и сухой — впрочем, надо вспомнить, что отец ректор писал в этом году 20 отзывов на выпускные работы. Автор отзыва отмечает: логичность структуры, обусловленной самой темой диссертации; хорошее знакомство иеромонаха Трифона с переводной аскетической литературой и похвальное усердие при работе с ней. Отмечается, что после внесения более выдержанного и обоснованного разделения 1-я глава диссертации может служить патристическим указателем по предмету старчества. Обращено внимание на выделение во 2-й главе общих и особых свойств трех великих оптинских старцев: Льва, Макария и Амвросия. Отмечены горячее сочувствие автора диссертации к иноческому подвигу и оду-

[64] *Трифон (Туркестанов), митр.* Древнехристианские и оптинские старцы… С. 166.

[65] Там же.

[66] Там же. С. 243.

[67] ОР РГБ. Ф. 172. Картон 415. Ед. хр. 3; Журналы Совета Московской духовной академии за 1895 год… С. 154–155.

шевление; но критикуется недостаточная продуманность в изложении и основательность в выводах. Рецензент рекомендовал оценку «4» («хорошо»).

Следует заметить, что «параллельная» диссертация однокурсника о. Трифона Александра Соловьева «Старчество по учению святых отцов-аскетов» вызвала у того же рецензента гораздо больший энтузиазм и обилие похвал — особенно отмечены были сочетание в этой работе психологического и богословского методов и в целом психологизм монашеского подвижничества и старчества[68]. Если вспомнить яркий психологизм самого архимандрита/епископа/митрополита Антония, достаточно ясно, чем импонировала ему работа А. Соловьева.

Если говорить о дальнейшей духовно-просветительской деятельности преосвященного Трифона, она заключалась преимущественно в проповедях, духовно-просветительских беседах и чтениях на церковные темы для широкого круга слушателей. Это было характерно для большей части «ученого» монашества: по окончании академий они сразу попадали на начальственные должности в духовных школах, затем по большей части — на архиерейское служение, поэтому на ученые труды в этих условиях были способны немногие. Однако у владыки Трифона было и свое особое видение: его не влекло к *кабинетным* ученым трудам, отвлеченным от церковной практики; церковная наука должна была содействовать спасению. Но тема старчества присутствовала и в этих жанрах. Более того: после 1918 г. митрополит Трифон, руководя многочисленными духовными чадами, сам продолжал «златую цепь» старчества.

Заключение

Будучи всегда уверенным в невозможности истинной христианской и, сугубо, монашеской жизни без смиренного послушания духовному наставнику, старцу, преосвященный Трифон неотступно реализовывал его в своей жизни и обосновывал в своих трудах и проповедях.

Всегда действуя согласно духовным советам старцев и отсекая свои желания или нежелания, будущий владыка постарался и ученость сделать полезной для обоснования, во-первых, необходимости старчества в деле христианского спасения и в жизни Церкви; во-вторых, теснейшей и непосредственной связи старчества и учености.

Единственное предназначение учености, как и старчества, сотериологическое: чтение и изучение Священного Писания и отцов Церкви и все способствующее этому: переводы и издание святоотеческих текстов, изучение жизни и аскетических практик древних подвижников, истории и богословского смысла богослужения и пр.

[68] Журналы Совета Московской духовной академии за 1895 год… С. 150–152.

Старец должен быть духовно образован: хотя через старца христианину открывается воля Божия, старец в понимании и преподнесении этого откровения не может опираться исключительно на свой духовный опыт, но должен поверять его духовным опытом Церкви через опору на Священное Писание, святоотеческое наследие, примеры жизни древних подвижников, богослужение и его духовное понимание.

Для владыки важна преемственность старчества — «златая цепь» старцев: под опытным руководством старцев и при безусловном им послушании возрастают новые старцы. Он это прослеживал на примере Оптиной пустыни как в своей диссертации, так и в своей жизни (духовная связь с оптинским старцами после кончины преподобного Амвросия).

На собственном опыте старческого окормления преосвященный Трифон сделал вывод, что монастырская жизнь и старческое окормление не тождественны. Осознавая тяготы жизни монаха вне монастыря и всем сердцем стремясь в святую обитель, за послушание старцам преосвященный Трифон в некоторые периоды своей жизни пребывал в миру. Но в иерархии ценностей — монастыря и послушания — он без сомнения выбирал послушание: можно жить в монастыре, но без старческого окормления никак не возрастать в духовной жизни; можно жить «на юру», но послушание воле старца поможет преодолеть все тяготы, сомнения, искушения, уныние и прочие опасности жизни в миру.

Именно таким образом преосвященный Трифон решал многопетую проблему внемонастырского монашества, болезненно переживаемую и бурно обсуждаемую монашествующими выпускниками духовных академий: решение — в послушании воле старца.

Сокращения

ДС — духовная семинария.

ДУ — духовное училище.

МДА — Московская духовная академия.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва).

Источники

Антоний (Булатович), иеросхим. Моя борьба с имяборцами на Святой Горе. Петроград, 1917.

Вертоград старчества: Оптинский патерик на фоне истории обители / *сост. монах Лазарь (Афанасьев).* М., 2016.

Журналы Совета Московской духовной академии за 1895 год. Сергиев Посад, 1897.

Забытые страницы русского имяславия: сборник документов и публикаций по афонским событиям 1910–1913 гг. и движению имяславия в 1910–1918 гг. М., 2001.

Игнатий (Брянчанинов), свт. Особенная судьба народа русского / сост., предисл., прим. А. Д. Каплина / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013.

Трифон (Туркестанов), митр. Древнехристианские и оптинские старцы. М., 1997.

Трифон (Туркестанов), митр. Любовь не умирает: из духовного наследия. М., 2007.

Литература

Беглов А. Л. Старчество в трудах русских церковных ученых и писателей // Путь к совершенной жизни: о русском старчестве. М., 2005. С. 5–29.

История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1912 до 2015 года Святая Гора Афон, 2015. (Сер.: Русский Афон XIX–XX веков; т. 6).

Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995.

Концевич И. М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. М., 1993.

Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2013. (Сер.: Русский Афон XIX–XX веков; т. 2).

Русский афонский отечник XIX–XX веков. Святая Гора Афон, 2012. (Сер.: Русский Афон XIX–XX веков).

Сидоров А. И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. [М.], 1998.

Смирнов С. И. Духовный отец в древней Восточной Церкви. История духовничества на Востоке. Сергиев Посад, 1906. Ч. 1.

Смирнов С. И. Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины. (Тексты и заметки). Сергиев Посад, 1912.

Смолич И. К. Жизнь и учение старцев. (Путь к совершенной жизни) // Русское монашество, 988–1917. Приложение к «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова). М., 1999. С. 371–464.

Соловьев А., прот. Старчество по учению святых отцов и аскетов. Семипалатинск, 1900.

Хоружий С. С. Феномен русского старчества в его духовных и антропологических основаниях // Церковь и время. 2002. № 4 (21). С. 208–226.

Четвериков С., прот. Из истории русского старчества // Его же. Бог в русской душе. М., 1998. С. 88–169.

Четвериков С., прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество // Его же. Правда христианства. М., 1998. С. 3–298.

References

Beglov A. L. Eldership in the Works of Russian Church Scholars and Writers. *The Path to a Perfect Life: On Russian Eldership*. Moscow, 2005, pp. 5–29. (In Russ.)

Chetverikov S. From the History of Russian Eldership. *Idem. God in the Russian Soul*. Moscow, 1998, pp. 88–169. (In Russ.)

Chetverikov S. *The Moldavian Elder Paisius Velichkovsky. His Life, Teachings, and Influence on Orthodox Monasticism*. Moscow, 1998. (In Russ.)

Khoruzhiy S. S. The Phenomenon of Russian Eldership: Its Spiritual and Anthropological Foundations. *Church and Time*, 2002, no. 4 (21), pp. 208–226. (In Russ.)

Kontsevich I. M. *Acquisition of the Holy Spirit in the Paths of Ancient Rus*. Moscow, 1993. (In Russ.)

Kontsevich I. M. *Optina Pustyn and Its Time*. Holy Trinity Lavra of St. Sergius, 1995. (In Russ.)

Lazar' (Afanas'yev), mon. (ed.). *The Garden of Eldership: The Optina Patericon against the Background of the Monastery's History*. Moscow, 2016. (In Russ.)

Sidorov A. I. *Ancient Christian Asceticism and the Origin of Monasticism*. [Moscow], 1998. (In Russ.)

Smirnov S. I. *Spiritual Father in the Ancient Eastern Church: History of Spiritual Leadership in the East. Part 1*. Sergiev Posad, 1906. (In Russ.)

Smirnov S. I. *Materials for the History of Ancient Russian Penitential Discipline (Texts and Notes)*. Sergiev Posad, 1912. (In Russ.)

Smolitsch I. K. The Life and Teaching of the Elders. (The Path to the Perfect Life). *Idem. Russian Monasticism, 988–1917. Appendix to «The History of the Russian Church» by Metropolitan Macarius (Bulgakov)*. Moscow, 1999, pp. 371–464. (In Russ.)

Soloviev A. *Eldership according to the Teaching of the Holy Fathers and Ascetics*. Semipalatinsk, 1900. (In Russ.)

Информация об авторе

Сухова Наталия Юрьевна
доктор исторических наук, доктор церковной истории, профессор, заведующая Научным центром истории богословия и богословского образования

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
115184, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23-б
E-mail: suhovanat@gmail.com

Information about the Author

Sukhova, Nataliya Yurievna
Dr. Sci. (History; Church History), Professor, Head of the Scientific Center for the History of Theology and Theological Education

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
23B Novokuznetskaya Str., 115184 Moscow, Russian Federation
E-mail: suhovanat@gmail.com